

ЮРИЙ ФРАНК

Откровения убитого поэта

Юрий Франк

Откровения убитого поэта

«Издательские решения»

Франк Ю.

Откровения убитого поэта / Ю. Франк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939596-2

Сборник стихов. Притчи, философская, пейзажная, религиозная лирика, мистика, сарказм, ирония и сатира. От романтизма до реализма, от филантропии до мизантропии. Сохранена авторская редакция.

ISBN 978-5-44-939596-2

© Франк Ю.
© Издательские решения

Содержание

Притчи	6
Раздел первый: Романтизм	11
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Откровения убитого поэта

Юрий Франк

© Юрий Франк, 2019

ISBN 978-5-4493-9596-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Притчи

Собака одна прибежала ко льву
с затеей: «Давай-ка бороться!»
Но лев отказался. «Тогда мне молву
пустить, что ты струсил, придётся!» —
Бросает собака вновь вызов с усмешкой.
«Пускай...» — лев ответил на брех. —
«Пусть лучше меня презирает, как пешку,
зверьё остальное за грех
придуманной трусости, чем меня станут
все львы за борьбу презирать
с тобою, собака». С тех пор, как ни странно,
«брехать» значит — «лаять» и «врать».

Отдыхал на дереве орёл,
вдаль глядел спокойно и не делал
больше ничего... А мимо брёл
заяц утомлённый, — очень смело
он, орла увидев, прокричал
в вышину ветвей: «А можно тоже
мне, как Вы, сидеть? Не отдыхал
так давно...» Орёл ответил: „Можно,
почему бы нет». И заяц сел
в тень под этим деревом безопасно.
Вдруг лиса явилась и удел
был печален заячий, конечно.
Здесь мораль: Не делать ничего
может только тот себе позволить,
кто сидит — ну, о-о-очень высоко.
Остальным — бездельничать не стоит.

Если бросить камень псу,
будет пёс смотреть на камень.
Подержав же на весу
этот камень перед львами,
не пытаясь бросить вовсе
им его за прутья клетки,
можно видеть, как у львов тех
взгляд застынет очень метко
не на камне, а на теле
смельчака, что держит камень
и которого бы съели
львы на воле, с потрохами.

Путник, спасаясь от зверя в пустыне,
прыгнул в колодец, надеясь укрыться.
Может, сидел бы он там и поныне,
только – жестокой была та темница.
Жертву почуяв, на дне притаился
страшный дракон, что, разинувши пасть,
съел бы беднягу, но тот умудрился
ветку схватить и на дно не упасть.
Ветка нашлась в середине паденья,
временно только спасенье дала, —
руки устанут... Набравшись терпенья,
смерть неизбежного мига ждала.
А человек, озираясь, пытался
выбраться как-то из всех этих бед.
Плакал, метался, кричал, не сдавался,
вдруг замолчал... Понял – выхода нет.
Тут он увидел, привыкнув глазами
к мраку, – на ветке большие цветки. —
Каплями мёда, как будто слезами,
щедро усыпаны их лепестки.
И, позабыв обо всём, с наслажденьем,
жадно вкушать эти капельки стал.
Смысл здесь один – нет от смерти спасенья,
каждый однажды об этом узнал.
Жизнь очень часто – одно напряжение,
но есть в ней и сладость, есть в ней – красота,
искусство, любовь, – как цветы, без сомненья,
на ветках судьбы, а вокруг – пустота.

«Французы обо мне какого мнения?
Что я за человек для них, скажи...» —
спросил Наполеон. Не без стеснения,
с улыбкой шутовскою, доложил
ответ сей адъютант ему: «Нет-нет,
подобного во Франции не слышал.
Вас богом величает громко свет
и дьяволом клеймит чуть-чуть потише,
но – человеком... Не зовёт никто».
Нахмурилось лицо под треуголкой
и с удивлённо искривлённым ртом
застыло вдруг в усмешке очень горькой.

Девочка в красном пальтишке
и в меховых башмачках
в парке рассыпала птичкам
корм из кулька... Вольных птах

крошками вновь осыпая,
всё повторяла она:
«У, вы какие!», – не зная,
что убивает... Зерна
отец этой девочки милой
на санэпидстанции взял,
устроив здесь пир голубиный,
курил и о яде молчал...
Был очень доволен ребёнок,
и сыпалась смерть с детских рук,
и смех был так чист и так звонок,
и птицы кружились вокруг
в смертельном своём хороводе,
зобы раздувая, долбя
друг дружку, послушны природе,
прогнав от зерна воробья...
Отец же хвалил за усердие
дочурку свою, поощрял.
Конечно, он из милосердия
к ребёнку – всю правду скрывал.
А ночью сгребал он лопатой
подальше от взглядов людей
тела мёртвых птиц... Листопадом
оплакивал парк голубей.

Повар однажды готовил обед.
У кухни его – стояли собаки.
Дать не могли ему дельный совет,
но на помой бросались – до драки.
Выбрасывал кости он и нечистоты,
кровь и кишки. – И хвалили его
эти собаки, – мол, ценим работы
щедрого мастера больше всего!
Повар стал овощи чистить и фрукты,
много пустой шелухи побросал
он на помойку. На эти «продукты»
жадно набросились псы, нюхать стал
каждый из них этот мусор, толкаясь.
И, наконец, отвернувши носы,
лаем залились, похабно ругаясь:
«Скурвился повар, ребята!» Те псы
очень похожи на публики часть,
что возбуждённо ждёт зрелищ и крови.
Критики тоже рискуют попасть
в свору собак, поднимающих брови,
если пришлось что-то им не по вкусу,
вовсе не зная, что видят они
только плохое. Их злые укусы

воздух хватают, – пусты, не важны...

А повар наш молча сготовил обед,
который пришёлся, конечно, по нраву
отведавшим новые блюда... И Свет
спасибо сказал, обрекая на славу
рецепт дивных кушаний. В притче – ответ,
надеюсь, увидели вы, и с улыбкой
желаю я счастья вам и добрых лет!
Не сподобляйтесь злым псам у калитки.

Лев с Быком однажды пили пиво.
Вдруг у Льва затренькал телефон.
Царь зверей ответил торопливо:
«Да, куплю, иду, лечу!..» И стон
Бык издал: «Ну вот, опять уходишь...
Если ты мужик, то покажи
жёнушке свой нрав (Звериный вроде?),
дружбой дорожи и не спеши
ты к супруге рысью мчаться снова!»
Лев ответил: «Ты не забывай
что твоя жена, дружок, – Корова,
а моя-то – Львица!.. Всё, бывай!»

Жил на свете белом любящий отец,
сыновей своих троих одинаково ценил.
И когда пришла пора испытать ему конец,
то на смертном он одре искренне детей просил:
«Что оставить вам в наследство, милые мои?
У каждого – своя невеста и дома свои,
и всеми вами дорожу, всех глубоко люблю,
и об одном – живите в мире, я вас сейчас молю...»
Ему сыны тогда сказали: «Есть перстень у тебя,
его дороже мы не знали, и просим для себя,
чтоб ты его оставил, выбрав, – лишь одному из нас».
Услышав это, камень в перстне, сверкнув, звездой погас.
Задумался старик-отец, и втайне вызвал ювелира,
и заказал ещё колец для сохранения в Мире мира.
Все три кольца – как близнецы, не отличить вовек.
Так мудро поступил отец, как добрый человек,
который не хотел раздора... Но спорят до сих пор
все сыновья, бранясь с позором, их помутился взор, —
о подлинном и настоящем, мол – копии нужней,
забыв отца завет молящий в той суматохе дней.
Здесь истина о многих верах, – чья проповедь важней?
Забыв за символом любовь, не ценим мы людей.

Весь день бабуля в шоке,
довёл её внучок. —
В два годика о Боге
твердит уж язычок!..

Кричит ребёнок громко
ей: «Кайся и молись!»
На это, как котёнку,
не шикнешь: «Хватит, брысь!»

Но вот, с приходом мамы,
сынулька понят был.
Финиту этой «драмы»
и папка заценил:

«Согласен, всё не просто,
попробуй тут услышь,
что скрыт за фразой острой —
лишь «Карлсон и Малыш».

Мультфильм смотрели вместе,
обнявшись и смеясь,
и стар и млад... В том действе —
с божественным есть связь.

Раздел первый: Романтизм

Как будто с краешка могилы
давно смотрю на жизнь свою.
Скорблю по людям, сердцу милым.
Здесь, в непотерянном раю,
его предчувствуя утрату,
живу, как на похоронах.
Всё будто клонится к закату,
и превратится в тлен и прах
на самом деле... Но зачем же
мне наперёд носить печаль
и знать, что вовсе не безбрежен
поток живой, и невзначай
зачем мне думается грустно,
как будто в прошлое попал...
Хочу избавиться от чувства,
что скоро будет кончен бал.
Погаснут свечи непременно,
но мне бы вовсе позабыть,
что каждый танец во вселенной
вполне – последним может быть.

Глупость и зло – то фальшивые ноты
в жизненной пьесе, несчастье природы
тёмной, уставшей... А ум и добро —
в душу запавший аккорд, что порой
слышим в гармонии солнца и звёзд.
Песнь соловьиная, шёпот берёз,
шелест волны и небесная синь —
добрые ноты... Вот только бы жизнь
умно прожить... Гениальность дуэта
с миром – в любви, этой музыке света.

Когда-то давно я услышал, что Родина —
там, где мы собирали ребятами ягоды.
А вот, если звёзды поэту – смородина,
то весь мир для него назвать Родиной надо бы.

Стой, Солнце! Моя остановка!
На тысячу лет ты замри,
а лучше – навечно... Неловко
просить, но – постой, покури.
Я знаю, что жизнь – есть движение

твоё и других вечных сфер,
ход времени, сердцебиенье...
Да, знаю... Но хватит, поверь,
смертей и рождений... Сегодня
в зените останься, и пусть
не будет зимы новогодней,
рассветов, закатов, а грусть
ночная – пускай канет в летний
единственный солнечный день.
Я вечно готов жить на свете,
любимых и близких не лень
мне видеть опять с собой рядом,
и знать, что так будет всегда.
Стой, Солнце! Движенья не надо!..
Не слышишь меня, вот беда...
А может, и слышишь, но в мире
нет вечного счастья для всех.
Поэтому ты, словно гиря,
вниз движешься или вверх:
заход и восход – равновесье.
Смех детский, слеза старика,
зла бездна, добра поднебесье —
всё в меру... Прости дурака.

Младенчество... – Рыцари, шлемы,
мечей звон и крики. На льду
рождалась нагою, вот тем и
взяла жизнь на Чудском пруду.
И нянек вокруг было много,
пришедших торговым путём.
Поэтому, может, в итоге
вдруг глаза лишилась дитём.
Ей два часа-века молчалось
от шока, от боли и слёз.
Так рабство в крови и осталось,
во взгляде и цвете волос.
Но время, – оно и калечит
и лечит забвеньем своим.
Двуглавый орёл сел на плечи
девчушке, которая с ним
как будто бы стала позорче,
была также гордость дана
от птицы ей... Все в детстве, впрочем,
играют в принцесс, как она...
Училась потом за границей
у тех, с кем ещё воевать
пришлось ей отроком-девицей, —
экзамены кровью сдавать.

Увлёкшись борьбой и войною,
свободу до капли пила,
смела с себя всё наносное
и даже орла прогнала.
Да, дьявольскою красотой
был славен семнадцатый год.
И, сам свою жизнь лихо строя,
к звезде устремился народ.
Но годы, опять же, сломили,
сломали добытый в боях
задор романтический... Приплыли
с той девушкой (Прямо на днях)
на лодке всех тайных пороков,
соблазнов, запретных плодов
к пустынным местам, где пророков
кончается сказ, вещей снов
иссякли здесь краски... Нет, зрелость
ещё не пришла на порог.
Но стоит нам вспомнить про смелость
и вынести скорбный урок
из детства и юности, чтобы
понять куда дальше идти.
В ошибках рождается опыт,
а счастье рождается в любви.

Уморилося море, вволю
штормом выход дав страстям.
И, увлёкшись новой ролью,
в штиль ласкается к снастям,
что лежат на берегу, —
не достать волною.
Помирить я их могу,
подтолкну ногою
разобиженную сеть
с ячеей запутанной. —
Ей приходится терпеть
выходки беспутные.
Ведь не могут жить без моря
снасти, что скрывать. —
Хоть хлебнули много горя,
но простят опять.

Свидетелем случайным стал картины, —
подростки хлеб пинали, будто мяч.
Мне что-то объяснять им нет причины, —
судьба лишь душу лечит, словно врач.
Забрал у них я хлеб тот осквернённый

без громких слов и прочих лишних дел.
И этот мой поступок, – распалённый
игрой командный дух, видать, задел.
Развязно дети начали ругаться, —
мол, не даю им весело играть.
Мне сил хватило всё же не сорваться,
уйти спокойно и не накричать.
Тот хлеб, конечно, выкинуть пришлось мне, —
испорчен безнадёжно был в игре.
Нет в жизни этой ничего несносней,
чем видеть в дней суровых череде
циничность юных душ, что пополняют
так неизбежно тёмные ряды
людского зла. Нет, их не воспитают,
такими суждено им быть. Беды
не прекратить всей этой и искусством. —
Миллениум уж третий на дворе,
но так же «хлеб для душ» пинают «с чувством»,
кто смысл жизни видит лишь в игре,
которая покажет: кто сильнее
умом иль телом доблестным своим.
Где скромность? Наглость – счастье... Не краснея,
гордятся подлым рыцарством таким.
История же вечная, я знаю. —
Есть люди, что творят и создают.
И есть другие, что, сбиваясь в стаю,
пинают с детства чей-то добрый труд.

Прокуратор, шагая по лунным лучам,
спросил наконец у Иешуа:
«Сколь долго продлится людская печаль?
Открой смысл пророчества вещего
об истинны царстве?..» Га-Ноцри в ответ
с улыбкой в глаза посмотрел
опять игемону, сказав: «Столько лет
о главном спросить ты не смел.
Я знаю, не веришь, – ты спишь на ходу,
и ночь эта длится веками.
Быть может, сегодня тебя приведу
к дороге с другими лучами, —
не с этими, лунными... Солнечный свет
подарит душе твоей радость,
и ты успокоишься... Слушай ответ,
вкушай моей истины сладость...
Я знаю, что трудно людей разбудить
от сна из неверия в лучшее.
Иначе, с тобой нам так долго бродить
под оком Луны бы наскучило.

Но вдруг ты пробудишься?.. Проще сказать
хочу я тебе и понятнее...
Представь жизнь, как день, где тёмная рать
теней – свет теснит, и унять её
никак невозможно. И только на миг
все тени всегда исчезают. —
То полдень, свет Солнца в зените велик,
и время подобно то раю...
Теперь друг, подумай, жизнь Солнца сейчас
почти подошла к середине¹,
и день уже скоро наступит как раз,
когда тени канут в пучине
на краткий лишь миг, но для нас, для людей
мгновенье то – эрою станет.
Останутся в прошлом законы зверей,
а нравственность светом одарит
все души людские... Скажи, игемон,
ты в истину эту поверишь?»
Пилат прошептал: «Да, закончился сон.
Я вижу открытые двери...» —
И вместе вошли собеседники в них.

Вот так навсегда был закончен
бездомным поэтом, сложившим сей стих,
роман... – О любви, между прочим.

С молекулой Любви – Вселенная сравнима,
а звёздные системы – как атомы её!
И с ядрами – светила в них вполне соизмеримы,
планеты – с электронами... Один из них – Землёй
был назван человечеством, – эфира воплощеньем
среди воздуха и пламени, среди пыли и воды!
Чтоб из простой бактерии развиться поколениям
сегодняшним, – не раз уже перемещались льды,
и континенты двигались, и вымирали виды...
Этапам эволюции – миллиарды лет.
И всё это затем, чтоб я сегодня смог увидеть
в глазах своей Любимой – души счастливой свет.

Как заря – всегда светла,
молчалива – как могила,
ты – спасение от зла,
вечно движущая сила
для планид и для сердец...
В людях робко воплощаясь,

¹ Продолжительность жизни Солнца составляет около 10 миллиардов лет, 5 миллиардов из которых – уже в прошлом.

тише, чище наконец
души сделать их пытаюсь,
ты одна даруешь мир,
только ты достойна власти!
О, живительный эфир!
О, любовь, ты – Бог, ты – счастье!

Что можно украсть у художника?..
Идеи, и мысли, и чувства —
Они не ботинки сапожника,
нельзя мять и шупать искусство...
Задержится взгляд на картине
на миг, как на целую вечность.
Художник творит и поныне
в душе, этот холст – бесконечность.
Он краски смешал воедино,
и мысли смешаются тоже...
Весь мир в его воле!.. Картина
заставить задуматься может...

Что можно украсть у художника?
Украсть золотые перстни
возможно, но у художника
так редко бывают они.

Обещания счастья —
красота и весна.
Жаль, восторг от причастья,
как и вся новизна,
выцветает за лето,
и на исповедь вновь
всех, чья песенка спета, —
осень ждёт и любовь.

Снотворная погода.
Как гири стали веки.
В глазури гололёда
асфальтовые реки.
Рой белых мух-снежинок
кружится в диком танце.
За стёклами машины —
деревья-оборванцы
мелькают в небе хмуром.
Ноябрьская пора,
нет, не идёт, – прёт буром.
И с самого утра

асфальтовые реки
в глазури гололёда.
Как гири стали веки, —
снотворная погода.

Деревья оголённые, — как нервы,
прошили плоть бесцветную небес,
и травы сединой покрылись первой...
Шарм осени рассыпался, исчез.
Плаксива, холодна теперь природа,
старухой нервной смотрит, жизнь коря.
Смурная и дождливая погода,
последняя декада октября.

В цвет разлуки оделась листва...
Хоть конец — лишь преддверье начала,
слёз и грусти полна голова,
и ворона уже прокричала,
предрекая печальные дни
расставания с красками жизни.
Поскорее меня обними,
вот-вот дождик, я чувствую, брызнет
мне на щёки... Смириться нельзя,
но приходится, как же иначе.
Все мы дети природы, скользя
по холсту её красками, плачем
и смеёмся, смешаясь смешно
с чьей-то капелькой жизни, а рамой
служит время... Такое кино,
эпизод комедийный за драмой
вечно следует, видишь, смеюсь... —
Так весна будет вновь за зимою.

В новой жизни тебя я дождусь,
и обнимемся жарко с тобою...

Золотая листва, золотая,
и видны сквозь неё небеса. —
То осенняя старость святая
прикоснулась к деревьям, кустам.

Старость та не мрачна, не глубока,
не костлява ещё, а мудра,
как душа, погулявшая много
и уставшая чуть... Мне пора
эта по сердцу больше, чем лето.

Грусть и память – приволье души.
На вопросы найдутся ответы,
и задачи возможно решить,
призадумавшись... Через синь неба
в никуда устремив слабый взор,
я как вкопанный встану нелепо,
и прервётся пустой разговор.

Желтеет трава и краснеет листва,
печаль в ярких вспышках пейзажа.
Вокруг разгорается пламя костра
среди дымки тумана, а сажа
из грязи дорог на моих сапогах.
И зеркало моря сереет
под пепельным взглядом небес... На глазах
у нас только осень умеет
поджечь этот мир... Ну, а искры летят
из углей осенних закатов —
в сердца, что теплее, нежнее горят
любовью в сезон листопадов.

То крайности – и первый, и последний.
Сияет златом – только середина.
Сегодняшние люди – абрис бледный,
предчувствие Вселенной Гражданина.

«Преступник! Преступник!!! Преступник!» —
Кричит прокуратор Ему,
не веря, что счастье наступит
и канет вся злоба во тьму
забвения... Что будет дальше
мы знаем. – Крест, пошлая казнь,
раскаянье в трусости, фальши,
к слуге своему неприязнь,
рука у которого, дрогнув,
на камни отпустит кувшин,
когда, крик гортанный исторгнув,
свой выплеснет гнев господин.
Сосуд упадёт прямо в ноги,
плащ белый забрызгав в кумач.
В глазах игемона тревоги
мелькнёт тень, и станет он зряч
внезапно... – В вине среди осколков
всплывёт вдруг кровавым пятном
та истина, что выше толков
любых: Быть вам вечно вдвоём. —

Ему – вдохновителем веры,
надежды, мечты и любви.
Тебе – гордой власти, карьеры
злым символом... Ведь ты – в крови.

Немало лет прошло с тех пор,
как умер... Но, опять родился.
И что же?.. Да всё тот же спор.
А я – как будто бы приснился.
Аника-воин на луну
всё так же воет очень грустно.
Илья всё так же борону
влачит... А власть – чтоб кушать вкусно.
Всё так же вроде... Да не так. —
Зло стало выше, утончённей.
И в красной книге – тьма зверей
плюс добрый люд... Но, восхищённый
всё ж миром, вновь твержу: Люблю!.. —
Вот только тише, больше молча,
чтоб вдруг не вызвать мне волну
случайно тех же диких полчищ,
где зло на зло, где нет добра.
Хотя, – и так опять случится
всё так же. Ну, а скрип пера
мне вновь позволит возродиться
спустя века... И снова я,
всё так же, – воспою всё это.
Не зря ведь райская змея
живым завидует. С рассветом
всё так же прошепчу «Люблю»
своим родным, любимым, близким.
И, стоя света на краю, —
не кину камень в море жизни.

Всему есть своё в жизни время,
не стоит сердиться на мир, —
живое, растущее семя.
В творении этом все мы —
частицы, и в силу природы
божественной – будет душа
не раз проходить через роды
и бrenную плоть, чуть дыша,
в миру оставлять. Провиденье,
Создателя замысел есть
великий, – своё он творенье,
любя, умудрился заместь,
как тесто живое. Способность

китёнка стать мощным китом —
давно никому и не новость,
но чудо поистине в том,
что малое может в большое
созреть. Жизнь — движение и рост.
А то, что зовётся душою, —
на шаре летит среди звёзд,
сменив легионы обличий,
и скоро сумеет понять:
сердиться на мир неприлично. —
Чтоб вырос цветок, — нужно ждать.
А что же потом?.. — Будет семя,
развития новый виток.
Всему в этом мире есть время,
всему в этой жизни есть срок.

Лишь Любовь, — суть души, — вечный Бог.

Словом, как камнем — разбила стекло,
А взглядом — споткнуться заставила,
Часто она поступала назло,
Нарушив законы и правила.
Жабами сделала пару старух,
Сожгла три квартиры соседей
Гневным проклятьем. — Её тонкий слух
Бесили повадки «медведей»,
Слышащих только динамиков рёв;
Сплетни болота скамеек
Стали последнею каплей краёв
Выдержки... Быть не умеет
Доброй она в этом мире своём,
Подчас презирая людей.
С нею недавно гуляли вдвоём,
Кормили с двух рук голубей.
Я поразился, насколько она
К птицам нежна и мила.
Сущность открыв мне душевного дна,
Тихо признаться смогла,
Что отдала бы всё только за миг
Спокойного, доброго мира
в месте любом... — Сразу ветер затих,
И средь голубинога пира
Ближе прильнула ко мне, приобняв.
Хоть с нею мы просто друзья, —
Крепче прижал её, ясно поняв,
Что здесь по другому нельзя...

Но через миг вдруг почувствовал я,

Что стою в одиночестве страшном.
Ветер шумит вновь в ушах у меня,
А за пазухой в свёртке бумажном
Прячется маленький серый котёнок...
Конечно же – это она.
Да, я расплакался, словно ребёнок.
Как магия слова сильна
Ведьмы, которая, счастья не зная,
Жизнь поменяла за миг
Мира, участия!.. Мне руки лаская,
Трётся котёнок о них...

Видя, что мир перевёрнут,
чувствуя сердцем ложь,
зная, что каждый завёрнут
в судьбу из шагреновых кож
(где крылья путают с рожками,
ангелов клича чертями), —
ведьмы мечтают стать кошками,
а колдуны – котами.

Я лежу в густой траве,
ветер гнёт её к земле,
солнце светит, и во мне
сердце бьётся в тишине.
Тишину ту нарушает
шёпот листьев, и стрекочет
мой сосед по полушарью, —
видно рассказать он хочет
о своей кузнечьей жизни,
о своей мечте заветной.
Не понять его мне мыслей,
не угнаться мне за ветром.
Шёпот листьев тоже мне
вечно непереводим...
Я лежу в густой траве.
На Земле я – пилигрим.

Там, где нет ещё дороги, —
первыми идут треноги,
вешки, с лазером приборы,
и рельефные узоры
создают горизонтالي
картматериала... Дали
всё зовут геодезиста,
что на зависть всем туристам
сетью из координат

накрывает водопад...
Он почти первопроходец,
точность спутников колодец
всем поможет отыскать
среди пустыни... Отдыхать
после полевых работ,
просчитав уже свой ход,
камералку завершив,
будет у костра, решив
написать о красоте
гор и рек, и о мечте,
о раздумьях всех своих,
строчками рождая стих...
Ведь геодезист – романтик,
вдохновлённый мыслью Данте
о любви, что движет миром,
жизнь измерит нивелиром
и увидит равновесье
в этом мире поднебесном,
где и бездны есть и выси,
а за небом – только мысли
о том самом высшем смысле —
о родных, любимых, близких.

Если ты учил людей
в эту землю сеять стрелы,
то не поднимай бровей,
если вдруг рукой умелой
будешь сам сражён однажды,
став мишенью под конец.
Ведь, поверь, земле не важно,
кто ты – умный иль глупец.
Важно только, – что посеешь,
то конечно и пожнёшь.
Если полюбить сумеешь,
то любовь и обретёшь.
И на темень в мире этом
понапрасну не греши.
Не увидеть лучик света,
не открыв окна души.

Не жалейте ни о чём,
Доверяйте жизни!
Милосердным ей врачом
Вечно быть, хоть брызнет
Даже кровь, – порой лишь так
Новое родится...

Эры динозавров мрак
Кончился, и птицей —
Ящеров потомок стал,
Устремившись к небу.
Так и человек, устав
По планете бегать
(Выясняя, кто сильнее) —
Ввысь взметнётся духом
И, презрев закон зверей,
Жизнь восславит стуком
Полюбивших мир сердец!
Древа жизни крона,
эволюции венец —
«Человек влюблённый»!

Что б я ни думал, где бы я ни был! —
Всё любимой известно всегда.
Шкаф по квартире с милой не двигал, —
он летает и сам иногда.
Рентген, ультразвук – игрушки ума,
куда им до взгляда зазнобы!
Я не болею, – она ведь сама,
как иммунитет. Все микробы
мне не страшны, присмирела волна
злой порчи, угрозы здоровью. —
Рядом есть та, что безмерно сильна
такой колдовскою любовью.
И я люблю её (Точно!) в ответ, —
да пускай это даже гипноз!
Счастливей меня никого, знаю, нет,
а на вечный вселенский вопрос
«В чём жизни суть?» я отвечу легко:
Только в том, чтоб летать нам вдвоём
к звёздам морей, и нырять глубоко
сквозь бездонных небес водоём,
сидя на лавочке в нашем саду...
Вам кажется, что это бредни? —
Так надо... С миром иначе в ладу
не могут быть скромные ведьмы.

Под краской останусь наброском,
В блокнотике – мысль сохраняю.
Пишу я везде – даже в космос
меня посылали... На дню
сто раз пригожусь я ребёнку,
особенно если цветной.
Бывает, отложат в сторонку, —

тогда я беру выходной.

Точили меня чьи-то руки,
чтоб мог я острее писать. —
Я вытерпел все эти муки...
И вот что хочу вам сказать:
Ничуть о судьбе не жалею.
Мой грифель – алмазу родня.
Тоска – украшать вечно шею,
Уж лучше списаться в три дня!

На земле лежит собака, —
сжалась, уши у дворняги
к голове прижаты плотно.
Ей опять уснуть голодной
в этот вечер суждено.
И в глазах её давно
боль и страх, – не раз пинали,
матом крыли, вымещали
злобу даже без причины
эволюции вершины.
У меня в кармане пусто,
дать ей нечего... Все чувства
в жалости сплелись комом,
но пройти лишь мимо смог.
Увенчали пирамиду
мы цепочки пищевой. —
«Достижение»!.. Но мне стыдно
за себя, за род людской.
Кто-то скажет: «Бестолково
пожалел – всего лишь пса».
Только смотрят в душу снова
мне собачьи те глаза...

СЛУХ абсолютный – это проклятье
(Фальшь станет всюду тебя раздражать);
ДОБР абсолютно – это распятье
(Зло с твоей шеи не будет слезать);
УМ абсолютный – это досада
(Глупость, где власть большинства, – образец);
Мудр абсолютно – это награда
(СЛЫШИТ лишь ДОБРЫХ и УМНЫХ мудрец).

Пространству не в кого влюбиться.
Есенин, Пушкин – те ушли...
А новые живые лица

красой не блещут, и пошлить
да эпатировать девицу —
Россию нашу, без конца
стремятся... Только, ей влюбиться
смешно в похабного юнца,
который, модно ухмыляясь,
в седины красит жизнь свою,
не зная жизни и бахвалясь
тщеславно бездны на краю.
Красивых нет душой, достойных
любви взаимной, вот беда,
способных к сердцу мост построить,
спасти девицу... Черета
смешных и страшных – не волнует,
а лишь расстраивать спешит.
Вот никого и не целует
та, что любовью дорожит.

Сидел, корпел над формулой учёной,
ночей не спал, стремясь тайком создать
не знамо что... Собою лишь пленённый,
смог наконец он ужас миру дать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.